

А.П. ЗАОСТРОВЦЕВ

Дуглас Норт: бегство от неоклассического мейнстрима

В статье рассматривается развитие отношения Д. Норта к неоклассическому мейнстриму и его применимости для изучения общественных изменений. Показан путь от одного из создателей клиометрики как проявления империализма неоклассической экономики к частичному, а под конец и полному отказу видеть в ней полезную теорию для анализа человеческой истории. Отторжение неоклассической парадигмы объясняется ключевым для Норта представлением о неэргодичности социальной среды. Утверждается, что в лице представленной Нортом, Уоллисом и Вайнгастом альтернативной неоклассической парадигмы развития экономический мейнстрим столкнулся с самым сильным вызовом со времен его разрыва с австрийской экономической школой.

Ключевые слова: экономический мейнстрим, клиометрика, новая институциональная экономика, институты, транзакционные издержки, неэргодичность, общественные изменения, парадигма.

The article reviews the development of D. North views on neoclassical mainstream and its applicability to the study of social changes. It shows his path from one of the founders of cliometrics as a manifestation of imperialism of neoclassical economics to the partial, and finally full refuse to consider the neoclassical mainstream useful for the analysis of human history. Rejection of the neoclassical paradigm is explained by the key North's concept of non-ergodicity of the social environment. It is argued that in the presented by North, Wallis and Weingast alternative paradigm the neoclassical economic mainstream faced the strongest challenge since its break-up with the Austrian school of economics.

Keywords: economic mainstream, cliometrics, new institutional economics, institutions, transaction costs, non-ergodicity, social changes, paradigm.

Д. Норт (р. 1920) – самый известный на сегодняшний день экономист-историк. И объясняется это никак не получением формально высшей награды для ученого (Нобелевской премии по экономике), которой он удостоился в 1993 г. Его главные работы, определившие наметившийся переворот в области социальных наук, вышли после этого события. Во-первых, это книга “Понимание процесса экономических изменений” [Норт, 2010] и, во-вторых, это, конечно же, сразу ставший очень широко известным труд трех авторов под заголовком “Насилие и социальные порядки” [Норт, Уоллис, Вейнгаст, 2011]. В настоящее время на базе фундаментальных концепций, представленных Нортом и его соавторами, разворачиваются целые исследовательские программы [Норт... 2012; Исследовательский проект, 2012–2013; In the Shadow... 2013]. Их все чаще пытаются использовать, уточнять, развивать и тестировать [Зудин,

З а о с т р о в ц е в Андрей Павлович – кандидат экономических наук, профессор кафедры институциональной экономики Национального исследовательского университета – Высшей школы экономики в Санкт-Петербурге.

2013; Ореховский, 2012^a; 2012^b; Шаститко, 2012; Яковлев, 2012^a; 2012^b; 2013; Franke, Quintyn, 2012; Kapás, Czeglédi, 2012; Kishtainy, 2011].

Однако в данной статье речь пойдет не о разработанных Нортом новейших концепциях социальных порядков и социально-экономических изменений, а о том, почему их появление стало возможным. И в этом плане решающее, на мой взгляд, значение сыграл отказ Норта следовать базовым постулатам экономического мейнстрима. Одновременно он осуществил разворот на 180° от “экономического империализма”, поскольку не стал применять эти постулаты к анализу истории, а разработал собственную, принципиально от них отличную методологию изучения общественной динамики, которая превосходит все, что предлагают современные экономические теории развития¹.

Встает вопрос: как Норт “дошел до жизни такой”? Почему он с течением времени все меньше и меньше доверял неоклассике и, наконец, полностью отверг ее в качестве инструмента познания экономических перемен?

От клиометрика – к институционалисту

Норт – не типичный по современным критериям экономист, большинство из которых – профессиональные математики, взявшиеся за исследование экономических и прочих социальных проблем [North, 1993^a]. Возможно, ему повезло, что он в юности увлекался марксизмом и, когда выбрал путь экономиста, оказался в Университете Беркли в Калифорнии. В те времена там еще не властвовала формальная экономика, известная как неоклассика, которая и до сих пор составляет ядро экономического мейнстрима². Одним из оказавших на него влияние университетских преподавателей был специалист по экономической истории Л. Рогин (марксист).

Почему представляется важным подчеркивать влияние марксизма? Дело в том, что учение К. Маркса динамично. В нем рассматривается исторический ход социально-экономических процессов: каким общество было, каким оно стало, какие процессы, определяющие будущие изменения, разворачиваются в нем в данное время; почему одно общественное устройство превосходит и вытесняет другое? Кроме того, марксистская экономическая теория, в отличие от одержимой концепцией статического равновесия неоклассики, – это теория неравновесия, придающая немалое значение институтам³. Последнее сближает его с новой институциональной экономикой (НИЭ), одним из основателей которой с полным на то правом считается Норт. Поэтому можно согласиться с мыслью из предисловия к русскому изданию “Насилия и социальных порядков”, что его “более широкий политэкономический взгляд на многие вопросы – тоже в известной степени наследие Маркса” [Расков, 2011, с. 12]⁴.

После Беркли судьба направляет Норта в Национальное бюро экономических исследований, где он имел возможность познакомиться с самыми выдающимися экономистами США 1950-х гг. (в частности, с С. Кузнецом). Пребывание его там было

¹ “Когнитивно-институциональный синтез Норта ярко демонстрирует то, насколько упрощенно и неточно описывают современные экономические теории динамику экономических изменений” [Балацкий, 2011, с. 166].

² «Основная часть исследований “мейнстрима” все еще соответствует парадигме, традиционно именуемой “неоклассической”, т.е. включающей в себя три предпосылки “твердого ядра”: индивидуализм, эгоизм и рационализм поведения экономического субъекта...» [Либман, 2008, с. 106].

³ “Маркс явно признает и ту роль, которую играют *институты* в предоставлении людям возможности приобрести экономическую информацию и передавать ее на рынок, и значение институтов для знания, которым располагают экономические субъекты” [Уэрто де Сото, 2008, с. 203]. Эти содержащие позитивную оценку слова одного из лидеров современной австрийской экономической школы – принципиального антагониста марксистского учения – говорят о многом.

⁴ При этом, несмотря на диаметрально противоположность в видении перспектив капитализма, некоторые марксистские положения не противоречат подходам австрийской экономической школы, на что указывают и сами ее сторонники “Парадоксальным образом, в отдельных, очень любопытных моментах ее (марксистской теории. – А.З.) позиции иногда совпадают с анализом рыночных процессов австрийскими экономистами вообще, и Мизесом и Хайеком, в частности” [Уэрто де Сото, 2008, с. 2].

кратким, но тем не менее плодотворным, приведя к появлению первой книги: “Экономический рост Соединенных Штатов с 1790 по 1860” [North, 1961]. С тех пор предметом исследований Норта стала экономическая история.

В 1950–1960-е гг. в США экономический империализм переживает период “бури и натиска”. Это неизбежно означало и распространение главного прикладного инструмента экономических исследований – эконометрики – на все захватываемые экономикой области социальных наук. Процесс математизации начинает охватывать и историю. Рождалось то, что вскоре получило название “клиометрика”.

Немало в этом направлении поработал и Норт. В работе, посвященной его вкладу в НИЭ, видные представители этой экономической школы – К. Менар и М. Ширли – отмечают, что Норт “стал лидером в первых попытках применить экономическую теорию и количественные методы к истории и в этом процессе стал одним из основателей новой области – клиометрики” [Menard, Shirley, 2011, p. 11]. Характерно, что в 1993 г. Норт получил Нобелевскую премию совместно с экономистом, чье имя до сих пор прочно ассоциируется со словом “клиометрика” – Р. Фогелем. Причем в официальном пресс-релизе Шведской академии наук их научный вклад персонально не выделялся, и им обоим премия была присуждена “за обновление исследований в экономической истории путем применения экономической теории и количественных методов для объяснения экономических и институциональных изменений” [Press-Release, 1993].

Норт вполне мог и до сих пор оставаться “клиометриком”. Однако, как можно судить по автобиографии, его увлечение математическими методами в исторических исследованиях не было продолжительным. Обратившись к истории Европы, он, по его же словам, “быстро пришел к убеждению, что инструменты неоклассической экономической теории непригодны для задачи объяснения тех фундаментальных социальных изменений, которые характеризовали европейские экономики начиная со средних веков” [North, 1993^a].

Становление нового исследовательского направления заняло продолжительное время. Осознание непригодности неоклассики для экономической истории еще не означало автоматического появления новых инструментов анализа. Первым шагом в перемене отношения Норта к неоклассике Менар и Ширли считают одну из самых цитируемых его статей “Источники изменения производительности в океанском судостроении. 1600–1850” [North, 1968], в которой он “сбросил технологию с трона” [Menard, Shirley, 2011, p. 12]. Небезынтересно, что статья была опубликована в таком несокрушимом оплоте экономического мейнстрима, как знаменитое издание Чикагского университета “Journal of Political Economy”.

Что же пришло на место технологии, которой в неоклассических теориях повышения производительности и экономического роста отводится немалая роль? Норт обратил внимание на то, что на длительном историческом отрезке прогресс в самом судостроении был незначителен, а на производительности положительно сказывалось, главным образом, укрепление гарантий прав собственности вследствие уничтожения пиратства. Выигрыш заключался и в том, что суда, избавляясь от тяжелого вооружения, могли взять на борт больше полезного груза⁵. Можно сказать, что тут на первый план выдвигались такие ключевые понятия НИЭ, как права собственности и трансакционные издержки. Последние же несовместимы с неоклассическим видением мира и придают важную роль институтам⁶.

⁵ Обращение Норта к теме морских перевозок было не случайным. В годы Второй мировой войны он начал работать на судах, перевозящих грузы в Тихом океане, и, получив соответствующую подготовку, дослужился до штурмана [North, 1993^a].

⁶ В нобелевской лекции Норт подчеркнул: “Неоклассический результат в виде эффективных рынков достигается только когда проведение транзакций не требует затрат. Лишь при условии беззатратного заключения сделок акторы достигают решения, которое максимизирует агрегированный доход независимо от институциональных устройств. Когда заключение сделок требует затрат, тогда институты имеют значение” [North, 1993b]. С тех пор запущенное Нортом выражение “институты имеют значение” стало своего рода девизом НИЭ.

В то же время переход к разработке и развернутому применению инструментария НИЭ к экономической истории шел постепенно. Последовавшие две совместные работы [North, Davis, 1971; North, Thomas, 1973], с одной стороны, были новаторскими в том плане, что применяли институциональный анализ к экономической истории и уделяли основное внимание институциональным изменениям, но с другой – над авторами еще довлела парадигма неоклассической экономики. В этом признается и сам Норт [North, 1993^а]; на это же указывают Менар и Ширли. В работе 1970 г. проводится мысль о том, что инновации происходят, когда ожидаемые выигрыши превышают ожидаемые издержки. В книге 1973 г. аналогичная мысль проводится относительно институциональных изменений [Menard, Shirley, 2011, p.13].

Такая логика в конечном счете неизбежно вела к догме эффективности институциональных изменений⁷, что, естественно, не могло никак объяснить природу долговременной отсталости многих стран. А Норта интересовал именно вопрос о причинах устойчивости глобальных разрывов в уровнях развития и благосостояния. Для этого ему необходимо было оставить мысль о ходе истории как поступательном развитии институтов от менее к более эффективным и попытаться объяснить, почему неэффективные институты заставляют оказываться долгожителями.

Поиск ответа заставил обратиться к таким социальным явлениям, которым в 1970-е гг. экономисты, как правило, не уделяли должного внимания. Впервые он начинает придавать важное значение идеологии в ее роли как катализатора, так и тормоза институциональных изменений. Его размышления воплотились в монографии “Структура и изменения в экономической истории” [North, 1981].

Термин “структура” Норт определяет так: “...я имею в виду те характеристики общества, которые, как мы полагаем, являются базисными детерминантами его функционирования. В них я включаю политические и экономические институты, технологию, демографию и идеологию общества”. В этой книге задачей экономической истории было названо объяснение структуры и функционирования экономики во времени. Выражение “во времени” означало, что необходимо объяснить их *изменения* с течением времени [North, 1981, p. 3].

Данная работа ознаменовала и еще один шаг Норта в направлении разрыва с неоклассикой. С одной стороны, признавалось достоинство последней как инструмента анализа функционирования экономики в данный момент времени или, при помощи сравнительной статистики, то есть контрастов, в ее функционировании в различные моменты времени. С другой стороны, утверждалось, что “она не объясняет и не может объяснить динамику изменений” [North, 1981, p. 57].

В аргументации о неприменимости стандартного экономического анализа к изучению экономической истории особый упор делается на идеологию. “Постоянные экономические изменения происходили не только по причине изменения относительных цен, подчеркиваемых в неоклассических моделях, но также по причине эволюционирующих идеологических взглядов, которые приводили индивидов и группы к противоположным воззрениям на справедливость их положения и к действиям, вытекавшим из этих воззрений” [North, 1981, p. 58].

Интересен подход к введению идеологии как важного фактора, определяющего ход экономической истории. Начинается он с указания на противоречия в неоклассическом видении мира. Если, согласно последнему, человек – максимизатор собственного благополучия, то характерная для него же гоббсианская модель государства как создателя правил, ограничивающих индивидуальное поведение, не будет работать: человек как эгоистичный максимизатор станет нарушать правила всякий раз, когда найдет это выгодным. Издержки же тотального контроля за соблюдением правил окажутся столь велики, что правила станут неработоспособными.

⁷ Применение постулата о рациональности к институциональным изменениям неизбежно означает прогрессистский взгляд на историю, который разделяли и нередко до сих пор разделяют многие мыслители самых различных убеждений.

Что ограничивает оппортунистическое поведение человека? Идеология! Она помогает оправдывать существующее положение дел, снижая тем самым затраты на принуждение⁸. Она же несет ответственность и за коллективные действия, которые были бы невозможны без нее в силу описанного в неоклассической экономике эффекта безбилетника. При наличии успеха в борьбе с эффектом безбилетника она может и разрушать существующий порядок⁹. Присущие ему правила утрачивают свою легитимность, и на их месте выстраиваются новые, нашедшие предварительно свое идеологическое обоснование. Таким образом, идеология способна служить источником перемен. В итоге можно заключить, что у Норта не только институты, но и идеология “имеет значение”.

Возвращаясь к отношениям с неоклассикой, нельзя не заметить, что в монографии, наряду с ее критикой, постоянно прослеживается стремление найти место для нее в объяснении истории. Этому, например, служат частые указания на изменения относительных цен как на источник институциональных изменений. Теория государства описывается в духе обновленного мейнстрима, сочетающего неоклассические принципы с категориями НИЭ (принципал-агент, оппортунистическое поведение, трансакционные издержки и пр.). Не случайно посвященная ей глава названа совершенно недвусмысленно: “Неоклассическая теория государства”. И даже роль идеологии в объяснении исторического процесса представлена в конечном счете как дополнение неоклассического подхода, помогающее разрешить сформулированную в его рамках проблему безбилетника в коллективных действиях.

В итоге при рассмотрении возможности появления теории экономической истории значительная роль отводилась неоклассике. “Такая теория может произойти только от соединения теорий демографии, запаса знаний и институтов с неоклассической теорией производства” [North, 1981, p. 68].

Задача следующей монографии Норта формулируется таким образом: “До сих пор не разработаны аналитические принципы, которые позволили бы включить институциональный анализ в теорию экономики и экономическую историю. Задача этой книги состоит в том, чтобы выработать такие основополагающие принципы” [Норт, 1997, с. 18].

В то же время в работе находит свое дальнейшее развитие полемика с экономическим мейнстримом. Для начала Норт указывает на внутренний конфликт, который испытывают социальные науки из-за того, что разрабатываемые теории не соответствуют реальным процессам в окружающей жизни. И при этом подчеркивает, что “это несоответствие наиболее явно в экономической науке, где особенно велик контраст между логическими выводами неоклассической теории и функционированием экономических систем”. Норт признает, что неоклассическая теория – огромный вклад в знания, которые приносят хорошие результаты при анализе рынков в развитых странах. Тем не менее она не дает адекватного объяснения более примитивных, неэффективных, но несмотря ни на что, долго живущих (иногда в течение тысячелетий) форм человеческого взаимодействия. Не получили удовлетворительного объяснения со стороны экономистов, занимающихся вопросами экономического роста, как существование разных экономических систем, так и различия в их функционировании¹⁰. Согласно Норту, “этому есть простое объяснение: применяемой теории не под силу данная задача” [Норт, 1997, с. 28].

Неоклассическая доктрина исходит из предполагающих рациональность мира моделей (из инструментальной рациональности). Если акторы почему-либо ошибаются,

⁸ “Затраты поддержания существующего порядка находятся в обратном отношении к осознаваемой легитимности существующей системы” [North, 1981, p. 53].

⁹ “Идеология должна преодолеть проблему безбилетника, если ей необходимо активизировать группы ради изменения существующего экономического порядка” (North, 1981, p. 65).

¹⁰ Надо сказать, что не решен вопрос и о самом экономическом росте. В изданной в 2004 г. книге с красноречивым названием “Загадка экономического роста” Э. Хелпман вынужден был признать, что “тайна экономического роста остается нераскрытой более двухсот лет” [Хелпман, 2011, с. 13].

то обратная связь через действие рыночной конкуренции отсеет упорствующих в своих заблуждениях и, в конце концов, оставшиеся игроки исправят просчеты. Институтам здесь отводится исключительно подсобная роль: побудить индивидов к приобретению дополнительной информации, помогающей принять правильные решения. Как замечает Норт, отсюда следует не только то, что “институты создаются для достижения эффективных результатов, но и то, что в экономическом анализе допустимо игнорировать институты, поскольку они не играют самостоятельной роли в определении экономического поведения”. В противоположность неоклассике, Норт отталкивается от следующих двух положений. Во-первых, он исходит из того, что индивиды действуют в условиях неполной информации и, главное, субъективно выработанные ими модели часто ошибочны. При этом, что особенно важно, информации, полученной в результате обратных связей, недостаточно для корректировки ошибок. Во-вторых, институты далеко не всегда создаются ради эффективности. Они “создаются скорее для того, чтобы служить интересам тех, кто занимает позиции, позволяющие влиять на формирование новых правил” [Норт, 1997, с. 33].

Поведение человека, согласно Норту, “гораздо сложнее, чем описывают экономисты в своих моделях, опирающихся на функцию индивидуальной полезности” [Норт, 1997, с. 37]. Альтруизм и самоограничение радикально влияют на результаты выбора. Восприятие внешнего мира у людей происходит на основе уже имеющихся у них ментальных конструкций, которые обеспечивают его понимание и тем самым во многом определяют решения индивида.

Очевидно, что такая модель человеческого поведения отличается от модели “экономического человека” (*homo economicus*) или, в более развернутой формулировке – *REMM* (*resourceful, evaluating, maximizing man*)¹¹. Она обладает характеристиками модели социологического человека (*homo sociologicus*) – *SRSM* (*socialized, role-playing, sanctioned man*),¹² но, очевидно, не совпадает с ней¹³. Модель человека по Норту, скорее всего, ближе к социо-экономическому человеку П. Вейзе (*homo socioeconomicus*)¹⁴. Именно такой человек у Норта является субъектом исторического процесса¹⁵. Неоклассическая же трактовка поведения человека – сугубо частный случай, справедливый для особых обстоятельств. Она не подходит для понимания исторической динамики человеческого общества и его институтов¹⁶.

Норт не видел никакой панацеи от недостатков неоклассики и в относительно новых (для времени написания книги) применяемых ею инструментах анализа, прежде всего теории игр, поскольку она не меняет неоклассической парадигмы¹⁷. Она, как видно из приведенной цитаты, также игнорирует трансакционные издержки и институты.

В конце книги Норт снова возвращается к “выяснению отношений” с неоклассикой и, заодно, с марксизмом и клиометрикой, которая была изначально любимой темой

¹¹ Изобретающий, оценивающий, максимизирующий человек.

¹² Социализированный, исполняющий роль и подвергнутый санкциям человек.

¹³ О двух разных моделях человека в экономике и социологии см. [Бруннер, 1993, с. 51–72].

¹⁴ “В борьбе между его собственными предпочтениями и действиями, которые предписаны нормами, развивается и формируется его личность” [Вейзе, 1993, с. 129].

¹⁵ “Ход всей мировой истории дает огромное количество свидетельств, что поведение человека значительно сложнее простого рационального некооперативного поведения” [Норт, 1997, с. 43].

¹⁶ “Принятые экономистами поведенческие постулаты полезны для решения некоторых проблем. Но они не способны решить многие вопросы, стоящие перед представителями социальных наук, и являются главным препятствием к пониманию существования, образования и развития институтов” [Норт, 1997, с. 43].

¹⁷ “Игровые теоретические модели, как и неоклассические модели, исходят из предположения об игроках, стремящихся максимизировать личную выгоду. Но как показывают некоторые работы, относящиеся к области экспериментальной экономической теории, человеческое поведение явно гораздо сложнее, чем это следует из такого простого допущения. Хотя теория игр показывает, какие выгоды могут получить индивиды, сотрудничая или избегая сотрудничества в различных ситуациях, она не раскрывает вопрос об издержках трансакций и о том, как влияют на эти издержки различные институциональные структуры” [Норт, 1997, с. 32].

его научного творчества. С одной стороны, он признает за клиометрикой возможность описания экономической истории как континуума и последовательности институциональных изменений (в эволюционном виде). Правда, оговариваясь при этом, что такое под силу только опытным специалистам. Но в то же время, поскольку экономическая история сама по себе не есть целостная картина мира, а некое неструктурированное множество, то клиометрика не в состоянии выйти на обобщения или анализ за рамками конкретного исторического сюжета.

В чем же заключается ценность клиометрики? Норт определяет ее весьма неоднозначно. “Вклад клиометрического подхода, – пишет он, – заключается в применении к истории систематизированного корпуса теоретических идей – неоклассической теории, – а также в применении высокоразвитых количественных методов для разработки и проверки исторических моделей” [Норт, 1997, с. 167]. И тут же добавляет развернутую критическую оценку неклассической теории, а значит, как следует из вышесказанного, и эконометрики. Приведу эту оценку целиком:

«Однако мы уже заплатили высокую цену за некритическое восприятие неоклассической теории. Хотя главным вкладом неоклассики в экономическую историю явилось систематизированное применение ценовой теории, в центре внимания неоклассической теории стоит проблема размещения ресурсов в каждый данный момент времени. Это невероятно сковывает историков, для которых главный вопрос – объяснить течение изменений во времени. Более того, аллокацию ресурсов неоклассика рассматривает как процесс, который вроде бы происходит без “трения”, т.е. как будто институты не существуют или не имеют значения. Между тем эти два последних обстоятельства – “трение” и значение институтов – показывают, чем на самом деле должна заниматься экономическая история, а именно: объяснением различных моделей роста, стагнации и упадка обществ во временном разрезе и изучением того, как “трение” – следствие взаимоотношений между людьми – порождает широко расходящиеся линии развития» [Норт, 1997, с. 167–168].

На этом Норт не останавливается. Он признает, что применение неоклассической теории к истории дало специалистам возможность анализировать ограничения, определяющие выбор человека. Однако сами эти ограничения трактовались очень узко. Под ними имелись в виду не человеческие взаимоотношения, а только доступные технологии и доход. Причем технология рассматривалась как экзогенный фактор; в результате не получалось встроить ее в теорию.

В то же время в истории экономической мысли было одно исключение: Маркс. Он попытался соединить технологические изменения с институциональными. Его учение о связи производительных сил с производственными отношениями Норт расценивает как пионерную попытку соединения пределов и ограничений технологии с пределами и ограничениями человеческой организации. Утопизм же теории Маркса заключается в том, что для достижения предусмотренных ею результатов “потребовалось бы внести фундаментальные изменения в человеческое поведение” [Норт, 1997, с. 169].

Все точки над і

Полемика Норта с неоклассикой нашла свое дальнейшее развитие в монографии 2005 г. [North, 2005]. Здесь он совершенно недвусмысленно заявляет, что природа бессилия неоклассики в объяснении проблем развития связана с тем, что она и не ставит перед собой такой задачи¹⁸. Норт связал это игнорирование с тремя ее принципиальными недостатками. Заключаются они в том, что она, во-первых, игнорирует “трение” (*frictionless*)¹⁹, во-вторых, статична и, в-третьих, не зависит от человеческой интенциональности.

¹⁸ “Неоклассическая теория дает нам понимание работы рынков в развитых экономиках, но в ее задачи не входит объяснение эволюции рынков и экономики вообще” [Норт, 2010, с. 102].

¹⁹ В русском издании предыдущей работы Норта [Норт, 1997] английское слово *friction* переводится как “трение”, соответственно, *frictionless* – это “отсутствие трения”, которое в русском издании [North, 2005] переводится как “беспрепятственность”.

Отсутствие “трения” означает, если говорить коротко, нулевые трансакционные издержки. В пренебрежении ими и, как следствие, институтами Норт уже ранее “обвинял” неоклассику. В такой ситуации какие-либо “внешние” вмешательства в работу рынков отсутствуют, а заодно и ресурсы, необходимые для осуществления изменений. В сущности, это означает, что институты, как отмечалось в предыдущей книге автора, излишни. Статична неоклассическая картина мира по той причине, что в ней не задействован фактор времени. Учет же интенциональности требует понимания того, как люди осуществляют выбор.

В этом упоре на интенциональность человеческих действий заключается важный момент общности взглядов Норта с праксеологией австрийской экономической школы²⁰. С интенциональностью субъектов она, в частности, связывала невозможность построения экономики как подобия естественной науки. “Науки о человеческой деятельности невозможно реформировать по образцу физики и других естественных наук” [Мизес, 2005, с. 33]. В то же время основатели неоклассической школы и не скрывали, что произведенная ими революция в экономической теории осуществлена в результате стремления выстроить ее по образцу физики XIX в. [Майровский, 2012]. Норвежский экономист Э. Райнерт пишет о том, что для стандартной экономической науки типична “метафора равновесия, основанная на физической теории 1880-х годов” [Райнерт, 2011, с. 56]. Норт же ссылается на создателя современной неоклассической теории экономического роста – Р. Солоу, который в 1985 г. объявил физику той идеальной наукой, до уровня которой дотягиваются лишь самые лучшие образчики экономической теории [Норт, 2010, с. 36].

Очевидно, что Норт не разделяет и идей эволюционной экономики. Дело в том, что “на механизмы отбора в эволюционной теории, в отличие от экономической эволюции, не влияют представления о финальных результатах... Действие экономической эволюции определяется именно институтами, в создании которых выражается интенциональность игроков”. “В противоположность дарвиновской эволюционной теории, ключом к эволюционным изменениям человечества является интенциональность игроков” [Норт, 2010, с. 103, 9].

Таким образом, понятно, что он не может встать на позиции модного ныне направления экономической мысли, основоположники которого – Р. Нельсон и С. Уинтер – взяли за образец биологию²¹. Они полагают, что “слепая эволюция” и преднамеренные процессы переплетаются, различить их нелегко и в разрабатываемой ими теории их разграничение не приносит пользы и лишь сбивает с толку [Норт, с. 31]. У Норта же интенциональность акторов всегда выходит на первый план. “Эволюция человеческого общества направляется представлениями игроков” [Норт, 2010, с. 9]²².

Из непредсказуемой интенциональности человеческого выбора и связанной с ней неопределенности будущего вытекает ключевое отличие Норта от экономистов-неоклассиков: экономика рассматривается им как неэргодическая система. В противоположной ей эргодической системе “фундаментальная структура является постоянной, неизменной во времени”²³. В то время как “мир, в котором мы живем, является

²⁰ Подробный анализ схожести в ряде принципиальных моментов учений институциональной и австрийской школ проведен в статье А. Ковалева [Ковалев, 2011].

²¹ В своей фундаментальной работе “Эволюционная теория экономических изменений” они пишут, что “прежде всего этот термин (эволюционная теория. – А.З.) указывает на то, что мы заимствовали основополагающие идеи из биологии” [Нельсон, Уинтер, 2002, с. 29].

²² Присутствие интенциональности в качестве принципиального отличия экономики от естественных наук подчеркивают не только принадлежащие к австрийской школе экономисты. Поведение людей «нельзя рассматривать в отрыве от концепции “собственного желания” и связанной с ним совершенно непредсказуемой склонности изменять решения на ходу» [Хайлбронер, 2008, с. 408]. Дж. Бьюкенен и В. Ванберг в совместной статье представляют теорию рынка как созидательного процесса, где будущее, в отличие от неоклассической доктрины, не только непознаваемо в любом самом приблизительном варианте, но и не существует как таковое независимо от сознательного человеческого выбора, который только предстоит сделать [Бьюкенен, Ванберг, 2012, с. 356].

²³ Один из характерных признаков современного мейнстрима – постулат об эргодичности: представление об универсальных законах (с поправкой на случайные возмущения), описывающих прошлое, настоящее и будущее [Либман, 2008, с. 109].

неэргодическим – это мир постоянно возникающих новых изменений”. В результате “осмысление мира, находящегося в процессе становления, ведет к появлению новой теории или по крайней мере к изменению той, которой мы располагаем” [Норт, 2010, с. 32].

Восприятие социальной среды как неэргодической действительно подводит к подлинному перевороту в науках об обществе и прежде всего в экономике. Она теряет какое-либо подобие естественным наукам²⁴. В неэргодическом мире отсутствует то, что в естественных науках определяется как “закон”²⁵. В процессе изменений социума не остается места какому-либо постоянству, повторяемости явлений. “Мы создавали и создаем общества, являющиеся уникальными по сравнению со всем, что имело место в прошлом”. В результате “эргодическая гипотеза является а-исторической” [Норт, 2010, с. 36].

Построение экономической истории на парадигме, в центр которой ставится гипотеза о неэргодическом мире, в сущности, не оставляет никакого места в ней неоклассическим подходам. Достаточно указать хотя бы на тот факт, что вместе с признанием неэргодичности, а значит, и отсутствия “законов развития”, нужно признать и неуместность применения для постижения общественных изменений математического моделирования²⁶. Ведь “математические теоремы (являющиеся главным результатом работы теоретиков мейнстрима) по определению формулируются в категориях универсальных законов” [Либман, 2008, с. 109].

Неадекватность реальности статичной картине мира из неоклассического учения обнаруживает себя всякий раз, когда опирающийся на него экономист выступает в роли “советника князей”: дает рекомендации для практической политики. “Неоклассическая экономическая теория статична и вследствие этого резко сужает кругозор тех разработчиков политики, которые черпают из нее свое вдохновение. Итогом слишком часто становятся политические предписания, которые приводят к результатам, не соответствующим намерениям, поскольку политика, основанная на статичной теории, в динамичном окружении наверняка приведет к непредвиденным (и неприятным) последствиям” [Норт, 2010, с. 180].

В этой же работе он подводит итог: неоклассическая теория – непригодна для изменяющегося мира; необходима новая экономическая парадигма. “Экономическая парадигма – неоклассическая теория – создавалась не для того, чтобы объяснить процесс экономических изменений. Мы живем в мире неопределенности и непрерывных изменений, эволюция которого все время идет по новым и неожиданным путям. Стандартные теории в этих условиях едва ли на что-нибудь годятся. Попытка разобраться в экономических, политических и социальных изменениях (притом, что невозможно изучать изменения в одной из этих сфер в отрыве от прочих) требует фундаментальной перестройки нашего образа мысли” [Норт, 2010, с. 7].

Дальнейшее творчество Норта (вместе с Б. Вайнгастом, Дж. Уоллисом и С. Уэббом) направлено на осуществление этой “фундаментальной перестройки”. В книге “Насилие и социальные порядки” последняя глава так и называется: “Новая исследовательская повестка дня для общественных наук”. Эта “исследовательская повестка дня” предполагает, что “существующий массив знаний в общественных науках может

²⁴ “Естественные науки используют редукцию для того, чтобы прийти к фундаментальным принципам, которые (вероятно) делают эти науки эргодическими. Социальные науки не имеют таких фундаментальных принципов, за исключением, возможно, бихевиоральной предпосылки, и даже эта последняя вряд ли является удовлетворительной” [Норт, 2010, с. 36].

²⁵ «В социальных науках, по-видимому, не существует фундаментальных “степенных законов”, сопоставимых с аналогичными, имеющимися в естественных науках» [Норт, 2010, с. 31–32].

²⁶ Австрийская экономическая школа всегда указывала на неприменимость математики как метода естественных наук к изучению человеческого поведения. Достаточно указать на аргументацию, приведенную в главной работе Мизеса [Мизес, 2005, с. 55–56, 112, 329–335, 354–355, 657–658, 665–669]. Этой же позиции придерживаются не только нынешние сторонники австрийской школы – последователи Мизеса, но и представители такого альтернативного неоклассике течения, как экономический реализм [Лоусон, 2012, с. 434–436].

быть трансформирован с помощью новых концептуальных рамок, меняющих само наше мышление традиционных проблем экономики, политической науки, социологии, антропологии и истории” [Норт, Уоллис, Вайнгаст, 2011, с. 448]. В докладе “В тени насилия” исследователи говорят: “Наша цель – разработать и применить альтернативную концептуальную парадигму для понимания динамического взаимодействия политических, экономических и социальных сил в развивающихся странах” [Норт... 2012, с. 4]. В основе их новой парадигмы – проблема насилия, никогда ранее не рассматривавшаяся экономистами как центральная. Однако “упуская проблему насилия, экономика упускает главную проблему развития” [Норт, Уоллис, Вайнгаст, 2011, с. 437].

* * *

Норт и его соавторы бросили экономическому мейнстриму, пожалуй, самый серьезный вызов со времен его принципиального расхождения с австрийской экономической школой. Во-первых, довольно решительно отвергаются фундаментальные методологические основы традиционной экономической теории. Во-вторых, ее способность к исследованию социально-экономических изменений не просто ставится под сомнение, а полностью отрицается. В-третьих, принятая неоклассикой парадигма не просто критикуется, но заменяется принципиально новой (на место теории добровольного обмена между *homo economicus* приходит теория насилия). В-четвертых, Норт и его соавторы фактически исходят из необходимости синтеза всех общественных наук в одну меганауку об обществе. И наконец, в-пятых, они напрямую не критикуют математизацию экономики, но сами открыто заявляют, что не видят поля для ее применения в своих исследованиях²⁷. И это, пожалуй, логическое следствие допущения о неэргодичности мира, которое не оставляет пространства для применения инструментов естественных наук к анализу его изменений. Если оно верно, то использование этих инструментов равносильно по своей эффективности применению газонокосилки там, где требуется рельсоукладчик.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Балацкий Е.В. Когнитивно-институциональный синтез Д. Норта // Общественные науки и современность. 2011. № 5.

Бруннер К. Представление о человеке и концепция социума: два подхода к пониманию общества // THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1993. Т. I. Вып. 3.

Бьюкенен Дж., Ванберг В. Рынок как созидательный процесс // Философия экономики. Антология. М., 2012.

Вейзе П. Homo economicus и homo sociologicus: монстры социальных наук // THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1993. Т. I. Вып. 3.

Зудин А.Ю. Бизнес и государство в России: опыт применения подхода Норта–Уоллиса–Вайнгаста. Статьи 1, 2 // Общественные науки и современность. 2013. № 2, 3.

Исследовательский проект “Институты, Развитие и Группы интересов: применение подхода порядков ограниченного/открытого доступа к анализу истории России”. 2012–2013. (<http://www.hse.ru/institutions/about>).

Ковалев А.В. Австрийская школа и институционализм: схожесть методологии // Terra Economicus. 2011. Т. 9. № 4.

Либман А.М. Экономическая теория и социальные науки об экономике: некоторые направления развития (научный доклад) // Теоретическая экономика. Труды семинара. Кн. I. М., 2008.

Лоусон Т. Что может предложить реализм? // Философия экономики. Антология. М., 2012.

Майровский Ф. Физика и “маржиналистская революция” // Terra Economicus. 2012. Т. 10. № 1.

Мизес Л. фон. Человеческая деятельность: трактат по экономической теории. Челябинск, 2005.

²⁷ “Мы не предпринимали никаких попыток статистического анализа, так как никаких прямых способов измерения наших основных понятий не существует” [Норт, Уоллис, Вайнгаст, 2011, с. 34, 435].

- Нельсон Р.Р., Уинтер С.Дж. Эволюционная теория экономических изменений. М., 2002.
- Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997.
- Норт Д. Понимание процесса экономических изменений. М., 2010.
- Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки: Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М., 2011.
- Норт Д., Уоллис Дж., Уэбб С., Вайнгаст Б. В тени насилия: уроки для обществ с ограниченным доступом к политической и экономической деятельности. М., 2012.
- Ореховский П. Право на оспаривание, патрон-клиентские сети и коррупция // Вопросы экономики. 2012^а. № 11.
- Ореховский П.А. Роль страха в экономическом поведении в настоящее время и после полной победы демократии // Мир России. 2012^б. Т. 21. № 3.
- Райнерт Э.С. Как богатые страны стали богатыми и почему бедные страны остаются бедными. М., 2011.
- Расков Д. Институциональные исследования как будущее социальных наук // Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки: Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М., 2011.
- Уэрто де Сото Х. Социализм, экономический расчет и предпринимательская функция. М., Челябинск, 2008.
- Хайлбронер Р.Л. Философы от мира сего. М., 2008.
- Хелпман Э. Загадка экономического роста. М., 2011.
- Шаститко А.Е. Антитраст в России: быть или не быть? // Экономическая свобода и государство: друзья или враги? СПб., 2012.
- Яковлев А.А. В поисках новой социальной базы, или Почему российская власть меняет отношение к бизнесу // Общественные науки и современность. 2013. № 2.
- Яковлев А. Как уменьшить силовое давление на бизнес в России? // Вопросы экономики. 2012^а. № 11.
- Яковлев А.А. Коммунистические убеждения и их влияние на развитие экономики и общества: применение новых подходов Д. Норта к анализу исторического опыта СССР // Мир России. 2012^б. Т. 21. № 4.
- Franke S.G., Quintyn M. Institutional Transformations, Polity and Economic Outcomes: Testing the North-Wallis-Weingast Doorsteps Framework // IMF Working Paper 12/87. March 2012.
- In the Shadow of Violence: Politics, Economics, and the Problems of Development. Cambridge, 2013.
- Kapás J., Czeglédi P. Political and Economic Freedom, and the Social Orders. 2012 (http://www.pubchoicesoc.org/papers_2012/Kapas_Czegledi.pdf).
- Kishtainy N. Social Orders and Growth Fragility. 2011 (http://www2.warwick.ac.uk/study/csde/gsp/epoportfolio/directory/pg/live/ecrgag/jmp_nk_2nov.pdf).
- Menard C., Shirley M. The Contribution of Douglass North to New Institutional Economics. 2011 (http://halshs.archives-ouvertes.fr/docs/00/62/42/97/PDF/2011--Menard_Shirley_North_and_NIE--CUP.pdf).
- North D.C. Autobiography. 1993^а (http://www.nobelprize.org/nobel_prizes/economics/laureates/1993/north-autobio.html).
- North D.C. The Economic Growth of the United States 1790–1860. Englewood Cliffs, 1961.
- North D.C. Noble Prize Lecture. 1993^б (http://www.nobelprize.org/nobel_prizes/economics/laureates/1993/north-lecture.html).
- North D.C. Institutions, Institutional Change, and Economic Performance. New York, 1990.
- North D.C. Sources of Productivity Change in Ocean Shipping, 1600–1850 // The Journal of Political Economy. 1968. Vol. 76. № 5.
- North D.C. Structure and Change in Economic History. New York–London, 1981.
- North D.C. Understanding the Process of Economic Change. Princeton, 2005.
- North D.C., Davis L.E. Institutional Change and American Economic Growth. Cambridge, 1971.
- North D.C., Thomas R.P. The Rise of the Western World: a New Economic History. Cambridge, 1973.
- Press-Release, 12.10.1993 (http://www.nobelprize.org/nobel_prizes/economics/laureates/1993/press.html).